

Специфика соционормативного регулирования в Республике Беларусь

Упорядочение общественных отношений обеспечиваются действием социальных норм и актов индивидуального регулирования. Ведь норма нацелена на то, чтобы в отношениях между людьми существовало нечто постоянное, устойчивое – общий критерий, с которым бы соотносывалось их поведение. Нормативное регулирование можно определить также как особую форму социальной деятельности, направленную на создание, реализацию и обеспечение различного рода общих норм поведения людей, с целью упорядочения их отношений и достижения стабильности в обществе. В то же время, далеко не все социальные отношения регулируются нормами и/или способны быть нормированы в принципе, что позволяет говорить о т.н. ненормативном регулировании социальных отношений. К общим признакам ненормативного регулирования можно отнести нестандартность их регламентирующего воздействия. Ненормативные проявления в обществе нельзя шаблонизировать, ввести в какие-либо рамки, именно поэтому они столь разноплановы. Действие данных регуляторов индивидуализировано. Причем индивидуализация может быть связана либо с самими регуляторами, либо с проявлением их действия. Как бы то ни было, любое ненормативное регулирование имеет ситуативный характер. Ситуативность же проявляется в зависимости от времени действия регулятора, от изменений обстановки и других факторов. Любая эффективно работающая система соционормативного регулирования предполагает взаимодействие и функциональную сбалансированность нормативного и ненормативного регулирования. Это возможно и даже необходимо в силу их внутренней взаимосвязи: с одной стороны, соционормативное регулирование во многом обусловлено традициями и обычаями, укоренившимися в том или ином обществе, а с другой, оно призвано рационализировать общество, ограничить или даже упразднить эти традиции с тем, чтобы социальная жизнь приобрела более рациональный и упорядоченный характер.

На наш взгляд, в системе соционормативного регулирования РБ имеет место дисбаланс (или дисфункция) между нормативным и ненормативным регулированием социальной жизни, что приводит к размытости социальных норм и дестабилизации социальных отношений. Здесь будет сделана попытка осмысления причин этого явления.

Что стабилизирует социальные отношения?

Чтобы ответить на поставленный вопрос, возьмем на вооружение понятия *идеально-типической схемы* и *стандартизации* из понимающей (феноменологической) социологии Альфреда Шюца¹, которые имеют непосредственное отношение к понятию «социальной нормы» и, соответственно, системе соционормативного регулирования. Сперва два слова о самих этих понятиях.

В своей концепции построения социального мира Шюц различает две определяющих жизнь социума социальных сферы: *ближайшее* и *более широкое социальное окружения*. Под *ближайшим социальным окружением* понимается круг родственников, друзей и ближайших знакомых, на глазах у которых я рождаюсь, взрослею, старею и умираю, это мир самых близких людей, с которыми, как говорит Шюц, «мы старимся вместе».² Отличительной особенностью *ближайшего социального окружения* является то, что все мои отношения с окружающими меня людьми имеют характер непосредственного, личного контакта. В отношении к ним у меня есть определенный запас знаний (моя биографии тесно сопряжена с биографией моего партнера по социальному действию). Поэтому всех окружающих меня людей и меня самого как партнера по социальному отношению можно назвать собирательным словом «мы». Причем, говоря «мы», каждый подразумевает вполне определенных, хорошо известных ему индивидов, поскольку индивид здесь дан как самость в

его непосредственной телесной данности в *допредикативном*³ опыте мы-отношения, где тело выступает в качестве поля выражения подразумеваемого смысла и осуществленного действия.

В случае с *более широким социальным окружением* мы имеем дело с миром незнакомых людей, в отношении которых у нас нет предварительного запаса знания. Здесь партнер по социальному взаимодействию дан опосредованно, он является не моим ближним, но *мне подобным*. Опосредованная данность другого базируется на опосредованном полагании другого (например, если я захожу на почту, я полагаю, что там должны быть служащие, даже если я в настоящий момент их не вижу) и выявлении приписываемых индивиду функций путем умозаключения (заметив человека за стеклом в спецодежде, я предполагаю, что он и есть служащий). Иными словами, опыт более широкого социального окружения *предикативен*, он осуществляется в ходе выработки суждений при осознанной экспликации моего опыта относительно того или иного социального окружения. Поэтому акты, интенционально направленные на alter ego в более широком окружении Шюц называет *установка на Вы* или *Вы-отношение*. Это подчеркивает *анонимность* процесса социального взаимодействия в более широком социальном окружении. Предметом *установки на Вы* является не субъективный смысловой контекст, но социальная функция или социальная роль и, шире, - социальный мир в целом. Нетрудно догадаться, что так понятая анонимность как раз и составляет сущность социальной жизни: в повседневном социальном обиходе мы имеем дело не с личностями, но, скорее, с исполнителями определенных социальных ролей или функций. Понятно также, что анонимность свидетельствует о развитости социума: мы не нуждаемся в частных беседах (скандалах со служащими или с начальником почтового отделения) как раз до тех пор, пока все роли и функции исполняются без сбоев или, иначе говоря, социальная структура работает стабильно.

Что же позволяет той или иной социальной структуре быть стабильной? Тот простой факт, что социальные ожидания оправдываются, причем многократно, что позволяет партнерам по социальному взаимодействию определять их как *типические*. Важно отметить довольно высокую степень рефлексивности социальных акторов более широкого социального окружения: единство alter ego здесь конституируется в *синтезе интерпретативных актов*, который Шюц называет *синтезом рекогниции*. Стабильной же социальная структура будет тогда, когда моя интерпретация при более-менее сходных условиях многократно подтверждается в опыте и само alter ego доводится до так называемой *идеальной типизации*. Конституируемый идеальный тип (допустим, служащий почты) не отражает специфический облик одного-единственного индивида, но устанавливает, при всех вариациях и прочих изменениях, некий среднестатистический инвариант, в отношении к которому у меня есть определенные социальные ожидания и требования. Идеальные типы – это интересубъективно релевантные интерпретативные схемы, которые всегда есть наготове в сознании у каждого индивида, вступившего в социальное взаимодействие. Это именно схемы, пустые формы, которые тот или иной субъект апплицирует на субъекта социального окружения, идентифицируя его как, скажем, служащего почты и к которому направляются те или иные требования и ожидания.

Ранее мы говорили о том, что в силу анонимности социальных структур, все содержательные моменты лишь предполагаются, воображаются, но не осуществляются. Идеально-типическая схема позволяет ориентироваться в смысловом пространстве социума, но вовсе не обеспечивает устойчивости социальных связей. Между тем, именно устойчивость социальных связей является главным условием стабильности социальной структуры. Это означает, что для нормального (стабильного) функционирования социума одной только идеально-типической схемы недостаточно. Успех социального взаимодействия возможен лишь в том случае, если имеющиеся в голове у каждого социального актора *идеальные типы* будут *нормированы* или *стандартизованы*. Понятие стандарта (соотв., стандартизации) и нормы (соотв., нормирования) имеет определяющее значение для разъяснения понятия стабильности социальной структуры: действующий порядок работает как универсальная

интерпретативная схема и чем ближе этот порядок к стандарту, тем больше вероятности, что социальные ожидания и притязания действующего субъекта будут восприняты адекватно его незримыми, анонимными социальными партнерами. Для восстановления стабильного социального порядка чрезвычайно важно, чтобы идеально типические способы и формы социального поведения приобретали характер стандартизированной нормы, которой необходимо следовать, а не просто понять или принять во внимание. Таким образом, с понятием *стандартизации связывают не просто наличие хороших правил, продуманных норм поведения, взвешенных законов и прочих нормативных предписаний, а также не всего лишь их понимание и принятие гражданами, но их действенное использование в жизни, их безусловное применение на практике.*

Собственно говоря, стандартизация означает, что социальное взаимопонимание и взаимодействие осуществляется значительно эффективнее, если каждый из социальных партнеров стремится в максимальной степени приблизить свое действие к стандарту. В обществах, где степень стандартизации высока, у партнера по социальному взаимодействию практически не возникает проблем с адекватным пониманием и верной интерпретацией того или иного социального поведения, тех или иных социальных ожиданий и/или требований. Социальное взаимодействие происходит как бы «автоматически», а жизнь социума состоит из прописанных и четко выполняемых кодов поведения. В силу того, что знание правил одновременно означает его выполнение, т.е. квалифицируется в качестве навыка (габитуса), в социуме значительно облегчен переход от ближайшего к более широкому социальному окружению, а также отстроено стабильное воспроизводство навыков социального поведения: уже в школе дети отрабатывают навыки решения стандартных социальных проблем и учатся самостоятельно решать вопросы социального взаимодействия при решении той или иной проблемы. В противном случае, даже приобретенные в школе навыки социального поведения оказываются бесполезными в силу отсутствия эквивалентов стандартного социального поведения в реальной жизни. Поведение утрачивает свою социальную релевантность, а социум теряет устойчивость, т.е. становится нестабильным.

В заключение предварительного разъяснения обратимся к еще одному понятию, связанному уже с диахроническим измерением социума - понятию «мира предшественников». К миру предшественников относят всех тех, кто, не присутствуя актуально, тем не менее, имеет существенное символическое значение для организации социума и даже может выступать в качестве образца социального поведения. Однако, стоит отметить, что в полном смысле слова у предшественников нет горизонта будущего, их мир инвариантен, он сбился. В отношении предшественников возможны любые установки (подражания, негативного примера, определенности традицией и т.п.), но абсурдно рассчитывать на воздействие на предшественников с целью ожидания ответной реакции (за исключением т.н. «первобытных обществ»). А это означает, что с миром предшественников невозможно установить полноценное социальное взаимодействие. Ведь если в случае с ближайшим и более широким социальным окружением имелось некое смутное ядро, служащее исходной точкой для типизирующей интерпретации, то в случае с предшественниками такого ядра нет. Мы не в состоянии определить, насколько релевантно наше социальное поведение по отношению к предшественникам, т.к. у нас нет никакой ответной реакции с их стороны, подтверждающей или опровергающей наши ожидания и требования. Поэтому акты, интенционально направленные на alter ego мира предшественников, Шюц называет *установкой на они* или *они-отношение*.

А теперь подведем итог и попытаемся дать краткий лаконичный ответ на поставленный ранее вопрос - при каких условиях социальная структура может называться стабильной? Нисколько не претендуя на единственно верное и окончательное определение этих условий, заметим следующее. Социальная структура может считаться хорошо отрегулированной (стабильной) в том случае если, *во-первых*, она будет выведена за пределы межличностных отношений в пространство анонимного существования структуры и функций или социальных ролей, выполняемых теми или иными индивидами. Структура способна к длительному

существованию не тогда, когда она завязана на конкретных личностях, с потерей которых утрачивается та или иная ее функция, но наоборот, когда потеря конкретной личности не приводит к утрате функции. Иными словами, анонимность структуры подразумевает замену индивидов при сохранении той функции, которую они выполняют в структуре, что и обеспечивает ее длительную жизнеспособность или стабильность. *Во-вторых*, если в сознании субъекта социального взаимодействия имеется общепринятый набор идеально-типических схем, позволяющих понимать, идентифицировать и задействовать те или иные социальные роли, функции и структуры. *В-третьих*, если имеющиеся в сознании отдельных индивидов идеально-типические схемы в максимальной степени нормированы или стандартизованы, т.е. приобрели характер социально релевантного навыка поведения.

Что дестабилизирует социальные отношения в Беларуси?

Возьмем простой пример постановки на очередь для строительства жилья через кооператив. С точки зрения предписанных, то есть нормализованных и стандартизованных действий, которые требуются, здесь всем все ясно. Но если мы спросим, насколько реальность борьбы за место в очереди соответствует предписанным правилам и нормам, то легко обнаружится, что, как минимум наполовину очередь сформирована не по правилам, а «по знакомству и личной договоренности». Этот пример показателен, он являет собой не досадное исключение, но скорее устойчивое, неизменное правило: в магазине, в больнице, в армии, в бизнесе, на таможне и даже в тюрьме тот, кто придерживается официально установленных правил, всегда будет в проигрыше перед тем, у кого хорошие знакомства. А это означает, что степень социальной адаптации и уверенности в своем будущем у индивида, окруженного сонмом хороших знакомых, намного выше, чем у индивида, обладающего всем необходимым запасом социального знания и навыками социального поведения, но лишенного полезных связей и знакомств. Понятно также, что «человек, имеющий хороших знакомых» не утруждает себя бесполезным освоением идеально-типических схем поведения, а уж тем более их стандартизацией. Но тем самым «человек, имеющий хороших знакомых» не только успешно решает свои проблемы, но и привносит энтропию в социальную структуру общества в целом, поскольку перед нами налицо отсутствие всех трех условий, необходимых для формирования стабильного социального порядка: девальвация анонимных социальных отношений и их трансформация в отношения ближайшего социального окружения; нарушение идеально-типических схем поведения; и отказ от стандартизации. Что же является причиной такого социального поведения? Здесь, на наш взгляд, ключевую роль играют три обстоятельства: 1) ориентация социума на саморефлексию в качестве коллектива ближайшего социального окружения; 2) вытеснение, маргинализация и симуляция публичного пространства и 3) неоправданное приписывание миру предшественников горизонта будущего.

Ориентация социума на саморефлексию в качестве коллектива ближайшего социального окружения. Указать на четкое понимание и самоопределение государственной стратегии социализации общества Республики Беларусь не так-то просто – долгое время эта стратегия осуществлялась по наитию, интуитивно, без нужды в саморефлексии. И лишь совсем недавно появилась потребность в ясных, четких формулировках, имеющих, прежде всего, дидактическую ценность – государство поставило перед собой цель разработать идеологию как концентрированное выражение социально-политической саморефлексии граждан Беларуси. В одной из ее версий мы найдем такое определение: «Для белорусов, как и для русских и украинцев, основным является не личность, а коллектив, общество с идеалами братской любви и солидарности».⁴ Эта формулировка представляется очень удачной в том отношении, что она лаконично и четко определяет тот смысл, который подразумевался во всех, прежде неартикулированных, интуитивных действиях власти. Действительно, речи и действия президента Беларуси вводят нас в мир неформальных и даже интимных переживаний, которыми делятся обычно в кругу родных и близких. Используя терминологию

Шюца, можно сказать, что метафора «братская любовь» указывает в направлении мира ближайшего социального окружения, именуя себя собирательным словом «белорусский народ», который сплочен единым, недифференцированным на отдельные, индивидуализированные волеизъявления, самоопределением «мы».⁵

Нетрудно заметить, что здесь есть некое противоречие: согласно определению, все отношения субъектов, составляющих ближайшее социальное окружение, имеют характер непосредственного, личного контакта, в то время как в случае, например, общения главы государства с почти десятиmillionным населением Беларуси этого нет и быть не может. Но, как это ни парадоксально, именно это противоречие является продуктивным и очень удобным для власти: эффект близости позволяет сосредоточить внимание на «страстях отношений» и неприметно осуществить процедуру замены реальных личностей на их визуальные и символические образы, массмедийных симулякров, замещающих конкретных индивидов социального взаимодействия, гораздо более безопасных и легче поддающихся манипуляции и контролю.

Конструируемая массмедиа модель социальных отношений имеет парадигмальный характер, то есть понимается как базовый, доминирующий способ установления социальных связей и необходимая предпосылка стабильного функционирования социума. Обескураживающее президентское «Ты» теперь можно услышать везде – в транспорте, в ЖЭСе, в магазине, в больнице, в университете. Все социальные связи понимаются как «свои», «решаемые», близкие. А среди близких, как известно, трудно найти незаинтересованного третьего, который мог бы исполнить роль объективного третейского судьи. Поэтому так трудно нормально поставить новую сантехнику и при этом не испортить отношений с работниками ЖЭСа, купить хорошей колбасы и не поругаться с продавщицей, посетить поликлинику и не повредить нервную систему себе и врачам. Везде приходится задействовать дополнительный экзистенциальный ресурс, поскольку стандартного, нормированного поведения явно недостаточно, ведь все социальные роли и функции не имеют обязательной силы, но являются лишь неизбежным злом, которое каждый служащий, по возможности, избегает. Таким образом, сеть социальных отношений, построенная по модели ближайшего социального отношения, постоянно требует дополнительного приватного контроля, дублирующего нормированную социальную жизнь. Такая социальная структура сложна, неэффективна, непредсказуема и небезопасна для функционирования социума как структуры. Как часто нам, посещая ту или иную институцию, приходилось замечать, что один и тот же вопрос у двух служащих получает поразительно разные интерпретации и предписания к действию. Именно поэтому, чтобы смягчить «конфликт интерпретаций» на шаге 2 какого бы то ни было дела, мы интуитивно стремимся именно к тому служащему, который рекомендовал нам шаг 1. Мы завязываем определенную социальную функцию и роль на вполне определенную личность, не будучи до конца уверенным, что при ее отсутствии, с любым другим служащим мы благополучно достигнем конечного пункта своих бюрократических мытарств. Таким образом, *сама социальная роль или функция в нашем социуме подчас оказывается производной от доброй воли, настроения, симпатии или антипатии того или иного служащего*. А это означает, что, во-первых, тем самым ставится под вопрос анонимность социальной роли, обеспечивающей устойчивость функционирования социума как структуры, а во-вторых, партнеру по социальному взаимодействию с таким служащим трудно сформировать в своем сознании идеально-типическую схему, поскольку настроение и симпатия, как известно, вещь изменчивая и эфемерная. В то же время, отсутствие такой схемы означает непредсказуемость и нестабильность социального взаимодействия.

Вытеснение, маргинализация и симуляция публичного пространства. Стандартизация не может состояться не только в силу указанных выше поведенческих установок, нерелексивно воспитываемых государством, но и потому, что государство вполне осознанно, целенаправленно *вытесняет, маргинализует и симулирует публичное пространство*. Публичное пространство *вытесняется и маргинализируется* по той простой

причине, что на настоящий момент в Беларуси практически не осталось ни одной общественной организации, партии или СМИ, которые а) в скрытой или явной форме не управлялись бы государством и б) имели бы легальный статус. Абсолютное большинство по-настоящему альтернативных, негосударственных организаций и движений выведено за пределы так называемого «правового поля».

Однако, публичность не только вытесняется и маргинализируется, но и *симулируется*. В этом состоит примечательная черта авторитарной власти нового типа – ей недостаточно вытеснить и маргинализовать оппонента, но гораздо важнее занять место этого оппонента и стать оппонентом и оппозиционером по отношению... к самой себе. Новообразованные общественные объединения, партии и движения *не замещают, но, скорее удваивают* реально существующие организации. Общественная и политическая среда страны сплошь населена двойниками: Федерация профсоюзов, Союз поляков, Союз писателей и многие другие новорожденные организации существуют *не вместо, но вместе* со своими прототипами. Налицо ситуация социальной шизофрении. Примечательно, что такая ситуация – сознательно или бессознательно – рассматривается властью не только и не столько как проблема (ведь раздвоение явно мешает стандартизации социального пространства), но и как наиболее удобная и благоприятная среда для осуществления взаимоисключающих стратегий: регрессивной (реанимация социалистического старого) и прогрессивной (построение капиталистического нового). В ситуации социальной шизофрении гораздо легче «принять решение», издать приказ или декрет, осудить и посадить, а затем со спокойной совестью «самого себя высечь», сославшись на раздвоение социального его политической партии, общественной организации, СМИ и т.п.. Несовпадение субъекта власти с самим собой наилучшим образом позволяет утаивать одно и сосредотачивать внимание на другом. Так, власть, долго и упорно приучала нерентабельные предприятия и колхозы к дотированию (этот факт она тщательно утаивает) как раз для того, чтобы в 2011-м сказать им, какие у них плохие привычки (это она нарочито подчеркивает) и именно поэтому дать очередной (разумеется, самый последний) кредит.

Результатом перверсивных усилий государства по стандартизации социальной жизни является то, что у большинства социальных групп по сути нет лица: мы не знаем, кто такие бизнесмены, насколько они богаты, чем зарабатывают свои богатства, как их распределяют; мы не знаем, кто такие интеллектуалы, в чем их роль в обществе; мы не знаем, кто такие политики (об их деятельности общество узнает лишь раз в пять лет) и так далее.

Неоправданное приписывание миру предшественников горизонта будущего. Де-стандартизация осуществляется также путем неоправданного приписывания миру предшественников горизонта будущего. В Республике Беларусь давно существует культ пожилых людей. На то, что это не просто дань уважения возрасту, заслугам, опыту и бесспорным достоинствам пожилых людей, но целенаправленная социальная политика, указывает, прежде всего, тот факт, что социальный слой ветеранов каждый год обновляется, омолаживается и расширяется за счет новых членов. Если раньше мы видели на парадах ветеранов в собственном смысле (т.е. тех, кто защищал нашу Родину в годы Второй мировой войны), то теперь среди них числятся и ветераны войны в Афганистане, и матери-героини, и ветераны труда, и, наконец, просто хорошие бритые парни, которые не побоялись пойти за президента и в огонь, и в воду, и в медные трубы.

При всей разношерстности новой социальной группы ветеранов, она пользуется все тем же символическим капиталом – быть надежным прошлым мира наших предшественников. Но при этом им приписывается прогрессивная социальная функция – быть предметом для подражания или, выражаясь на языке Шюца, идеально-типической моделью. Однако, этот социальный проект наталкивается на существенные затруднения. Во-первых, как говорилось выше, мир предшественников (они-отношение) в социальном отношении лишен горизонта будущего, он инвариантен, он уже сбился. Как бы мы ни старались вчувствоваться в события 60-ти летней давности, у нас с каждым годом это будет получаться все хуже и хуже по той простой причине, что все-таки мы живем в мирное время.

Сегодня немцы нам не враги, но, скорее, идеальные работодатели, втайне желанные мужья и жены, коллеги и, наконец, обычные люди со своими радостями и бедами.

Во-вторых, в отношении предшественников невозможно осуществить социальное воздействие с целью ожидания реакции. То есть, в отношении мира предшественников возможна лишь односторонняя реакция – в их адрес, но нет и не может быть никакой ответной реакции. А это означает, что с миром предшественников не может состояться полноценного социального взаимодействия.

Наконец, в-третьих, если в случае с ближайшим и более широким социальным окружением имелось некое смутное ядро, служащее исходной точкой типизирующей интерпретации, то в случае с предшественниками этого нет.

Итак, даже этот непрехотливый анализ дает понять, что беларусская стабильность основывается на – целенаправленной (рефлексивной) и нецеленаправленной (дорефлексивной) – дестандартизации социальной жизни. В свою очередь ситуация дестандартизации содержит в себе угрозу для общества как осмысленного социального целого и является причиной разобщенности индивидуумов, которые с трудом устанавливают осмысленное социальное взаимодействие по горизонтали и вертикали. На горизонтальном уровне в Беларуси, по сути, утрачена связь между ближайшим социальным окружением и более широким социальным окружением в силу того, что а) навыки социальной жизни не интериоризированы в социальное поведение, т.е. не стандартизованы, но всегда имеют характер окказионального, ситуативного поведения, которое каждый раз меняется в зависимости от изменения поведения той или иной личности, имеющей полномочия и права ненормативным образом легитимировать новую версию интерпретации старых норм и правил социального взаимодействия (не секрет, что главным законом большинства институциональных образований в РБ является крылатая фраза «новая метла по-новому метет») и б) даже мало-мальски стандартизованные навыки слишком быстро устаревают. В результате утрачивается нормальное социальное взаимодействие на вертикальном уровне: старое поколение не в состоянии передать свой социальный запас знания молодому поколению, если конечно, не считать знанием то, что «в этом обществе ничего не понятно и нужно быть готовым к любому повороту событий».

Очевидно, что данная ситуация во многом и обуславливает диспропорцию между нормативным и ненормативным регулированием, ведь норма может получить сколь угодно широкие интерпретации и, соответственно, формы реализации на практике в силу отсутствия публичного контроля. И тогда вступает в силу порочный круг недееспособных законов и незаконных действий, которые подстегивают и иницируют друг друга с новой силой: когда норма (закон) утрачивают свою обязательную силу и приобретает окказиональный характер (в зависимости от политической конъюнктуры, корпоративных и/или личных интересов), тогда невыполнение предписанных норм иницирует нормотворчество, призванное способствовать выполнению существующих законов (не секрет, что у нас многие законы корректируются спустя несколько месяцев или даже недель после их принятия), однако обилие законов не только не способствует оздоровлению ситуации, но, напротив, усугубляет ее, ведь количество законов обратно пропорционально строгости их исполнения и потому, прежде чем следовать закону, приходится прилагать дополнительные усилия по прояснению той окказиональной ситуации, которая позволяет понять, в отношении кого и как именно стоит трактовать закон. Круг замкнулся.

Ненормативность как норма или социальная аномия по-беларуски

Ситуация «порочного круга» недееспособных законов и незаконных действий требует соответствующих поведенческих реакций субъектов социального взаимодействия, позволяющих приспособиться к игре писанных и неписанных правил поведения и максимально эффективно адаптироваться в обществе несмотря на всю его девиантность (как правило, не замечаемую большинством). Поскольку от доминирующих поведенческих стратегий зависит

тот социальный климат, который является определяющим для производства и воспроизводства социальных практик, обратимся к более детальному прояснению этих поведенческих стратегий, взяв на вооружение классификацию типов социального приспособления Р. Мертона.⁶ Как известно, Мертон выделяет пять типов социального приспособления - конформность, инновация, ритуализм, ретритизм и мятеж, - каждый из которых олицетворяет социальный габитус или поведенческую привычку, ставшую «второй натурой». Рассмотрим каждый из них в беларуском контексте, принципиально отличающемся от социума США отсутствием ясных культурных ценностей и целей, которые «вызывают устремленность к их достижению и представляют собой «вещи, к которым стоит стремиться»». ⁷ Однако, несмотря на разительное различие в ясности культурных ценностей и целей, будем исходить из предпосылки, что таковые в обществе РБ все же имеются, а именно – ценности и цели общества потребления.⁸

Начнем с конформности – типа социального приспособления, который Мертон определяет как наиболее гармоничное «соответствие и культурным целям, и институционализированным средствам» их достижения.⁹ До некоторого времени стабильность – самый существенный индикатор степени распространенности конформности в обществе – была социальным брэндом Беларуси. Однако, как было показано выше, беларуская стабильность имела и имеет в настоящий момент очень шаткие основания: с самого начала она представляла собой не столько социальную реальность, сколько социальное воображаемое власти, насаждаемое административным ресурсом. Актуальная ситуация на рынке потребительских товаров и услуг, рынке валют РБ является ярким подтверждением этого тезиса. В этом плане более адекватным социальным реалиям Беларуси типом приспособления является инновация, предполагающая использование институционально запрещаемых средств как более удобных и эффективных для достижения желанных целей. Показательным в этом плане является поведение налогоплательщиков: по данным налоговых проверок за 7 месяцев 2010 года, нарушения обнаружены у 95% проверяемых.¹⁰ К симптомам инновации стоит отнести и установленную ранее тотальную коррумпированность социума «кругом знакомых», когда следование институционализированным правилам и нормам поведения является заведомо проигрышной поведенческой стратегией. При этом отличительной особенностью беларуской версии инновации является не столько сильные цели, сколько «слабые» институциональные средства их достижения. Слабость институциональных средств достижения цели проявляется, прежде всего, в чрезмерной усложненности институциональных норм и правил, которые делают институциональные средства, призванные помочь достижению цели, непреодолимым препятствием на пути к ней. Показательны в этой связи многочисленные признания частных предпринимателей, констатирующих крайнюю затруднительность не только осуществления предпринимательской деятельности, но само открытие бизнеса.¹¹ Поскольку институциональные средства оказываются непреодолимым препятствием к цели, сегодня трудно найти в РБ инициативного человека, который был бы совершенно чист перед законом. Это понимают и сами граждане, и власть, что порождает ситуацию «криминального паноптикума»: каждый индивид обладает «криминальным самосознанием», ощущением страха и тревоги за свое неопределенное будущее; в свою очередь, такое психологическое состояние индивидов как нельзя лучше соответствует ожиданиям авторитарной власти, делающей ставку на страх, ведь гражданами, на которых уже «есть дело», можно легко манипулировать. Отсюда сами законы демонизируются и приватизируются «служителями закона», а сам закон понимается как право сильного. Поэтому *инновация в РБ – «управляемая инновация»: индивидуальная инициатива не может не быть девиантной по причине крайне узкого пространства возможностей для недевиантного поведения; аномия инновации связана не с риском индивида, стремящегося достичь цели любыми средствами, но является его социальной судьбой вне зависимости от наличия или отсутствия цели как таковой.*

В этой ситуации, самым естественным и распространенным типом социального приспособления является ритуализм, который Мертон описывает следующим образом: «Первоначальные цели забываются и сильная приверженность институционально предписанному поведению становится предметом ритуала».¹² Его симптомами являются такие

самоописания индивидов, как: «Я стараюсь не высовываться», «Я играю осторожно», «Я всем доволен», «Не ставьте высоких целей – не будет разочарований». Привести аналогичные самоописания, составляющие канон классической поведенческой стратегии белоруса обывателя не составляет большого труда: «Мая хата з краю», «Ничога не зробішь», «Пускай так, а то хуже будет», «Маем то, што маем», «Много хочеш – мало получишь», «Тише едишь – дальше будешь». Ритуализм – следствие «права сильного», заниженных ценностей и целей («чарка да шкварка») и социальной непредсказуемости. Все эти факторы обуславливают страх перед новым (неофобия) и ритуализацию безжизненных социальных практик (социальная стагнация). Долгие годы советской имитации «счастливого общества» и последовавшая за ними симуляция социальности в РБ стали причиной глубокой ритуализации всех сфер социальной жизни. Ориентация на самое необходимое, узкий круг потребностей, заниженные притязания и требования к качеству жизни, обеспечивающие «прожиточный минимум» создают самые благоприятные условия для появления этой формы социального приспособления. Для белорусов нет такой ценности и цели, от которой нельзя было бы отказаться. Именно поэтому формальная процедура, правила поведения, установленный социальный порядок в целом становятся самоценными вне зависимости от их эффективности. Перверсивная сила ритуализма ярко проявилась в ситуации продовольственного и валютного кризиса в РБ: несмотря на исчезновение продуктов и валюты около половины населения РБ по-прежнему убеждено, что установленный порядок должен оставаться неизменным. В то же время, несмотря на беспрестанные мобилизационные усилия власти, индивиды всеми способами манкируют общественной жизнью, уклоняясь от всех типов социальной активности (здесь показательно количество людей, пришедших почтить память погибших от теракта 11.04.2011) и предпочитают уходить в частную жизнь¹³, что, в свою очередь, усиливает доминирование отношений ближайшего социального окружения и существенно ослабляет социальные взаимодействия в более широком социальном окружении. В результате сложилась парадоксальная ситуация: как минимум половина населения страны верит в необходимость сохранения имеющегося социального порядка, но активно участвовать в этом сохранении не хочет, ограничиваясь симуляциями (ритуалами) социального участия и предпочитая встроиться в него как в нечто само собой образующееся. Социальное кредо белоруса «ритуалиста» – быть достаточно апатичным и самодостаточным, чтобы стоически претерпевать любые социальные перипетии, какими бы абсурдными они ни были.

Однако не всем удается удовлетворять требованию самодостаточности и потому появляется такой тип социальной адаптации как ретритизм, которому Мертон дает следующее определение: «Под эту категорию подпадают некоторые виды адаптационной активности страдающих психозами, лиц, ушедших от реального мира в свой внутренний болезненный мир, отверженных, изгнанных, праздношатающихся, бродяг, хронических алкоголиков и наркоманов. Они отказались от предписанных культурой целей, и их поведение не соответствует институциональным нормам.»¹⁴ Возникает вопрос, насколько распространен данный вид адаптационной активности в РБ? Если мы будем прогуливаться по центральным улицам Минска, то может сложиться впечатление, что в этой стране вообще нет нищих, праздношатающихся и отверженных. Однако это обманчивое впечатление, связанное с целенаправленной политикой стирания публичных пространств столицы. Согласно официальным данным, в Беларуси один из самых высоких в Европе уровней самоубийств – 28,8 на 100 тыс. населения. Причем, по данным Генеральной прокуратуры, более 70% суицидов совершено лицами в состоянии алкогольного опьянения, а 50% этих граждан злоупотребляли алкоголем.¹⁵ Несмотря на существование ряда программ и директив, объявивших борьбу пьянству (последняя из них – была ратифицирована в январе 2011г. на период до 2015г.¹⁶), с каждым годом алкоголизация населения не ослабевает, что существенно расширяет социальную группу «ретритистов». Причин тому много, здесь хотелось бы выделить лишь те, которые имеют непосредственное отношение к контексту нашего рассмотрения. Прежде всего, это уже упомянутая ранее слабость культурных ценностей и целей, формирующих структуры

мотивации для предпочтения здорового образа жизни нездоровому (для многих не понятны перспективы, ради которых имеет смысл инвестировать свои время, силы и деньги в формирование нового, здорового образа жизни в РБ). Ясно, что сами эти ценности и цели (как и их отсутствие, слабость или сила) являются продуктами социальной политики и социального конструирования. Стоит признать, что власть внесла свою весомую лепту в ретритизацию населения Беларуси. Показателен в этом плане лозунг президента «чарка да шкварка», наглядно демонстрирующий подразумеваемый (и вменяемый) властью уровень базовых потребностей, требований и притязаний обывателя к качеству жизни. Минимализм требований и «придурковатость» электората делает его очень удобным объектом для политических манипуляций. Авторитарная власть всегда спекулирует на очевидных пороках общества, лукаво превознося их в качестве национальных добродетелей и достоинств. В свою очередь обыватель платит той же монетой - самодовольством и умиротворенностью status quo. Поэтому, несмотря на многочисленные директивы, запреты и постановления, ежегодно сыплющиеся из министерств и ведомств как из рога изобилия, власть не в состоянии создать такие структуры мотивации и ввести в привычку такие социальные практики, которые могли бы предоставить обывателю конкурентноспособную замену привычному досугу за стаканом. Все возможности самореализации – от политической до творческой – настолько жестко регламентируются государством, что из них выхолащивается всякий жизненный смысл. Именно поэтому политики и выдающиеся творческие личности Беларуси – это тоже изгои, отверженные, изгнанные. «Родиться, вырасти и уехать, чтобы состояться» - такова типичная биография индивида Беларуси, имеющего притязание на самореализацию.

И тем не менее, есть те, кто отъезду предпочитает сопротивление status quo, стремясь утвердить альтернативные нормы и ценности, выходящие за пределы окружающей социальной структуры. Такой вид социальной адаптации Мертон называет мятежом.¹⁷ С мятежом и мятежниками в РБ, прежде всего, связывают оппозиционные политические силы. Но это лишь малая часть той социальной группы, которую можно квалифицировать в качестве мятежной. Мятежников мы можем найти в сфере образования и науки (колосовский лицей, ЕГУ), культуры (Хашеватский Ю., Лявон Вольский, Ляпис Трубецкой и др.), журналистики (БАЖ, журналисты неофициальных СМИ). К мятежникам же принадлежит подавляющее большинство пользователей интернета и сетевых ресурсов (по самым скромным подсчетам в сетях живут ок. 2 млн. человек). Мятежники голосовали против ныне действующего президента. Мятежники - это все те, кто настойчиво говорит по-беларуски. Наконец, мятежники – это те, кто вышли на улицы Минска 19 декабря. В целом, актуальная ситуация в РБ имеет качественно новую ситуацию именно с этой социальной группой – она как минимум существенно расширилась. Показателен в этом плане факт признания лидером страны двух «народов Беларуси»: того, что проголосовал «за» и того, что проголосовал «против». Несмотря на неизменно низкий символический капитал оппозиционных политиков (как и прежде, он остается в диапазоне «арифметических погрешностей»), президент, в отличие от ряда предыдущих лет (когда о проголосовавших против либо замалчивалось, либо упоминалось в исключительно негативном ключе и мимоходом), в этот раз счел необходимым не только назвать цифры проголосовавших не «за» (что в авторитарной риторике означает «против»), но и признать раскол в обществе на два лагеря - «согласных ритуалистов» и «несогласных мятежников». Примечательно, что этот раскол президент оформил риторически, разделив свое новогоднее обращение к белорусскому народу-2011 на два ценностно неравновесных адресата: прежде всего, «абсолютное большинство белорусского народа», благодаря которому президент получил «уникальную возможность в эти волнительные мгновения истории войти в дома белорусов», и затем уже – «нашему меньшинству как неотъемлемой части нашего общества со своими целями, взглядами и устремлениями», «...за которое мы будем бороться с подавляющим большинством нашего народа ..., потому что иначе невозможно объединить общество, сохранить страну...».¹⁸

Это красноречивое свидетельство о нешуточном характере раскола позволяет сделать осторожную гипотезу о намечающейся перспективе восстановления того баланса между нормативным и ненормативным регулированием социальных отношений, который позволит привести к обновлению и оздоровлению социальной жизни в новой Беларуси.

¹ Выбор концептуального и методического инструментария феноменологической социологии обусловлен желанием понять не столько статистические (количественные) параметры, сколько качественную смыслообразующую специфику социального порядка. Это позволяет также осмыслить связь между повседневным опытом социального взаимодействия конкретных индивидов и функционированием гигантских анонимных социальных структур, в которых роль индивида совершенно незначительна. Автор в полной мере отдает себе отчет в том, что этот подход далеко не единственный и уж точно не единственно верный. Наконец, стоит обратить внимание на преимущественно формальный, технический характер разъяснений понятия социальной стабильности.

² Schütz, A. *Der sinnhafte Aufbau der sozialen Welt*. Frankfurt am Main, 1960. S. 234ff.

³ Под «допредикативным» опытом понимается рефлексивно необработанный и неорганизованный повседневный опыт, переживаемый в простой (наивной) поглощенности «самоочевидными» данностями («фактами») индивидуальной или коллективной жизни, не нуждающейся в аргументации и теоретической рефлексии.

⁴ Князев С.Н., Решетников С.В., Адуло Т.И. *Основы идеологии Белорусского государства: Учебное пособие для вузов*. - Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2004. С. 364.

⁵ Ср. определение Шюца: «Среда Я и среда Ты, т.е. наша среда является единой и общей. Мир Мы – это не твой и не мой частный мир, но наш мир, общий нам intersубъективный мир, заданный нам изначально.» (Шюц А. *Избранное: мир, светящийся смыслом*. М., 2004. С. 896).

⁶ Мертон Р. *Социология за рубежом*. № 2-4. М., 1992.

⁷ Мертон Р. *Социальная структура и аномия*. В: *Социология за рубежом*. № 2. М., 1992. С. 118.

⁸ Под обществом потребления подразумевается такое общество, в котором а) потребление товаров и услуг выходит за рамки удовлетворения самых необходимых нужд и б) приобретает характер новой формы проведения досуга (шоппинг) в специально приспособленных для этого крупных центрах и супермаркетах, что приводит к формированию г) специфической культуры конкурирующих друг с другом потребителей (за бренды, моду и др. символы культуры потребления), д) обладающих вкусами, ценностями и нормами поведения, е) конструируемыми рекламой и бизнесом потребления.

⁹ Мертон Р. *Социальная структура и аномия*. В: *Социология за рубежом*. № 2. М., 1992. С. 118.

¹⁰ Закон нарушают 95 % налогоплательщиков / Все банки Беларуси – Режим доступа:

<http://select.by/content/view/2288/764/> – Загл. с экрана.

¹¹ Как я открывала бизнес в Беларуси. – Режим доступа: <http://yuzle.com/business/2803.html> – Загл. с экрана.

¹² Мертон Р. *Социальная структура и аномия*. // *Социология за рубежом*. № 3. М., 1992. С. 110.

¹³ Белорусская мечта. / Аргументы и факты в Белоруссии от 17.08.2005. – Режим доступа:

http://gazeta.aif.ru/online/belorus/273/bel01_01 – Загл. с экрана.

¹⁴ Мертон Р. *Социальная структура и аномия*. // *Социология за рубежом*. № 4. М., 1992. С. 91.

¹⁵ Минздрав опроверг данные о лидерстве Беларуси по количеству самоубийств. – Режим доступа:

<http://trezv.org/news/minzdrav-oproverg-dannye-o-liderstve-belarusi-po-kolichestvu-samoubijstv.html> – Загл. с экрана.

¹⁶ Государственная программа национальных действий по предупреждению и преодолению пьянства и алкоголизма на 2011–2015 годы. – Режим доступа: <http://www.newsby.org/by/2011/01/18/text18019.htm> – Загл. с экрана.

¹⁷ Мертон Р. *Социальная структура и аномия*. // *Социология за рубежом*. № 4. М., 1992. С. 93.

¹⁸ Новогоднее обращение президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко белорусскому народу. – Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=o9RVEvSKpdg&feature=related> – Загл. с экрана.